

МОРСКОЙ

БИБЛИОТЕКА
КОМАНДЫ КОРАБЛЕЙ ВЪ ВАРШВѢ
№ _____
19 _____

ЖУРНАЛЪ

Ежемѣсячникъ.

Цѣна этого номера 1,5 к

Декабрь 1940.

№ 183 (2).

XIII годъ изданія.

Содержаніе: М. С. СТАХЕВИЧЪ — Скончался Адмиралъ П. П. Муравьевъ. А. С. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ — Памяти друга-начальника.

REC'D A FAF
12 AVR. 1941

Скончался Адмиралъ П. П. Муравьевъ.

Первая же открытка изъ Парижа, полученная послѣ длительного перерыва, принесла горестное сообщеніе — скончался Адмиралъ Петръ Петровичъ Муравьевъ.

Каждый офицеръ Россійскаго Флота зналъ имя Адмирала Муравьева какъ Товарища и Помощника Морского Министра, какъ лицо, стоящее во главѣ Главнаго Управленія Кораблестроенія, на каковое передъ Великой войной, въ связи съ принятіемъ малой и разработкой большой судостроительныхъ программъ, ложилась колоссальная отвѣтственность. Но узнать Петра Петровича Муравьева какъ человѣка, какъ старшаго сослуживца многимъ и многимъ посчастливилось только во время эмиграціи. Къ моменту эвакуаціи изъ Россіи Адмиралу уже исполнилось 60 лѣтъ (Петръ Петровичъ родился 30 января 1860 года), но онъ не остался безучастнымъ къ нашимъ морскимъ дѣламъ — онъ и въ эмиграціи на командныхъ постахъ и во главѣ организаціонной работы.

Я не имѣлъ удовольствія лично знать ушедшаго отъ насъ въ жизнь вѣчную Адмирала. Но съ перваго же года издаванія «Морского Журнала» Петръ Петровичъ сталъ не только въ рядъ самыхъ аккуратныхъ подписчиковъ журнала и его читателемъ, но и однимъ изъ офицеровъ флота, принявшихъ дѣло изданія журнала къ своему сердцу, какъ дѣло общее, какъ дѣло идейное. И я всегда зналъ — если мнѣ надо было попросить совѣта авторитетнаго лица, провѣрить свое мнѣніе, найти поддержку — я смѣло могъ писать въ Парижъ Петру Петровичу, и на каждый затронутый мною вопросъ незамедлительно получалъ точный и обстоятельный отвѣтъ.

И вотъ — короткая фраза письма: «Еще лѣтомъ въ Парижѣ скончался Адмиралъ Муравьевъ». Запоздалая скорбная вѣсть безъ какихъ бы то ни было подробностей объ обстоятельствахъ смерти, о послѣднихъ дняхъ, о причинахъ, вызвавшихъ роковой конецъ... И мы лишены возможности почтить память усопшаго Адмирала, какъ намъ того хотѣлось бы, и какъ того Адмиралъ заслуживаетъ. Но мы хотимъ ждать болѣе подробныхъ писемъ изъ Парижа — пусть этотъ скромный номеръ «Моского Журнала» будетъ запоздалымъ вѣнкомъ на могилу одного изъ старѣйшихъ и уважаемыхъ Адмираловъ Россійскаго Флота, энергичнаго члена морской семьи и искренняго друга «Морского Журнала» — Петра Петровича Муравьева. Вѣчная и добрая ему память!

Мих. Стахевичъ.

Памяти друга — начальника.

Со смертью здѣсь, на чужбинѣ, cadaго знакомаго намъ человѣка, умираетъ, отходить отъ насъ не только болѣе или мене близкій намъ соотечественникъ, но и отрывается кусочекъ

нашей жизни, такъ или иначе связанной съ умершимъ. Въ опустошенномъ изгнаньемъ существованіи является новая трещина, новая брешь, словно отнимается у тебя еще одна частица Россіи.

Это чувство еще острѣе, когда умершій былъ такъ близокъ оставшемуся жить, какъ близокъ былъ мнѣ недавно скончавшійся во Франціи адмиралъ П. П. Муравьевъ. Значительная часть моей жизни и почти вся моя карьера моряка прошли или вблизи него или подъ его начальствомъ. Только что произведенный въ мичмана Царскаго выпуска и, увы, не попавшій въ числѣ первыхъ 12 счастливыхъ сразу же на Дальній Востокъ, я былъ назначенъ на лѣтнюю кампанію 1904 года въ Минный отрядъ, на миноносецъ «Прыткій», парный съ однотипнымъ «Пронзительнымъ», которымъ командовалъ кап. 2 р. Муравьевъ. Случайно, вслѣдствіе преждевременнаго назначенія нашего «старшаго офицера» В. Н. Шрамченко еще до окончанія имъ практическаго плаванія миннымъ офицеромъ на 2-ю эскадру и назначенія къ намъ моего же, но младшаго товарища по выпуску, я сталъ самъ «старшимъ офицеромъ» и сталъ съѣзжать на берегъ всегда вмѣстѣ съ командиромъ парнаго миноносца. И другое обстоятельство — общая намъ обоимъ страсть къ отрытому винту — сблизили желторотаго мичмана съ начинавшимъ уже съѣдѣть кавторангомъ такъ, что мы почти всѣ наши свободные вечера проводили всегда вмѣстѣ.

Съ моимъ уходомъ на 2-ю эскадру наши пути временно разошлись. По возвращеніи изъ плѣна и по окончаніи школы подводнаго плаванія я избралъ себѣ минную спеціальность и тутъ осенью 1907 года я снова встрѣтился съ П. П. Муравьевымъ, какъ съ помощникомъ начальника отряда и съ преподавателемъ минной тактики, чтобы больше не разставаться съ нимъ до конца своей службы во флотѣ. Правда, я дѣлалъ попытки уйти изъ Миннаго отряда сперва въ Академію, потомъ старшимъ минеромъ на «Россію», но П. П. весьма категорично и рѣзко не давалъ своего согласія на переводъ, требуя вмѣсто меня «принца съ флейтой», какъ выразился флагманскій минеръ Балтійскаго флота кавторангъ Рейнь.

Назначенный въ 1911 году начальникомъ Главнаго Управленія Кораблестроенія, кр. Муравьевъ зоветъ меня снова къ себѣ. Мнѣ очень не хотѣлось покидать флотъ и идти «подъ шпигъ», но я долженъ былъ согласиться на доводы П. П., который хотѣлъ имѣть при себѣ своихъ вѣрныхъ людей. Завѣдывая дѣлами Совѣщанія по Судостроенію, я не разстался съ П. П. и по назначеніи его сперва Товарищемъ, а потомъ Помощникомъ Министра; и не только былъ съ нимъ связанъ по работѣ въ Совѣщаніи по судостроенію, гдѣ онъ былъ Предсѣдателемъ, но и сопровождалъ его въ его поѣздкахъ по заводамъ и верфямъ, замѣняя ему и его адъютанта, и его штабъ-офицера для порученій.

Всѣ эти годы мы работали въ тѣсномъ контактѣ, и я имѣлъ возможность близко узнать и оцѣнить своего друга-начальника. Глубокій патріотъ, человѣкъ рыцарскихъ взглядовъ и неподкупной честности, искренне и беззавѣтно любящій родной флотъ, онъ былъ однимъ изъ его возсоздателей, проводившимъ новый для центральныхъ управленій лозунгъ «шпиць для флота» и неутомимо стремившимся постройкой все лучшихъ и лучшихъ кораблей поставить вторую руку potentата государства Россійскаго снова на должное ей мѣсто среди другихъ великихъ державъ. Отдавая работѣ все свое время (вечернія засѣданія Совѣщанія по Судостроенію затягивались иногда до 2 ч. ночи), Адмиралъ отдыхалъ только во время нашихъ поѣздокъ по заводамъ за границу и на югъ Россіи, но и тогда онъ быстро и правильно рѣшалъ всѣ возникавшіе вопросы, никогда не боясь брать на свои плечи всю отвѣтственность и поражая этимъ лицъ, привыкшихъ къ практикѣ Морского Техническаго Комитета.

Несмотря на тяжелую работу, особенно усугубленную обстоятельствами войны, П. П. находилъ время думать и о будущемъ нашей родины, о томъ, какъ сохранить накопленный техническій опытъ, какъ обезпечить отъ безработицы многочисленные вновь созданные судостроительные заводы и верфи, какъ занять десятки тысячъ судостроительныхъ рабочихъ на время разработки и проведенія черезъ законодательныя учрежденія большой судостроительной программы. И вотъ, возникъ проектъ созданія мощнаго торговаго флота, который былъ бы въ состояніи конкурировать съ иностранцами. Предварительный проектъ этого гигантскаго предпріятія П. П. докладывалъ лично Государю, предполагая по окончаніи войны стать Предсѣдателемъ Правленія этого промышленнаго гиганта, гдѣ директоромъ-распорядителемъ сталъ бы пишущій эти строки. Судьба рѣшила иначе. Настала революція, и мы сейчасъ же, еще при Временномъ Правительствѣ, ушли со службы. Очувившись на Югѣ Россіи, П. П. началъ воплощать въ жизнь свой проектъ, и въ Ростовѣ было создано Акц. О-во «Русскій Коммерческій флотъ». Это было, правда, гораздо болѣе скромнымъ, чѣмъ мы мечтали въ Петербургѣ. Увы, съ двумя кораблями нашего Общества, во время эвакуаціи Крыма, мы оказались въ Константинополь, гдѣ наши «союзники» безцеремонно распродали частную собственность, въ томъ числѣ и наши корабли.

Въ Константинополь мы разстались съ П. П. надолго. Онъ уѣхалъ во Францію, а я получилъ приглашеніе на чешскіе заводы «Шкода». И вотъ теперь дошла до меня вѣсть, что наша разлука стала вѣчной . . .

А. Рождественскій.